

Виды юридической ответственности в российском праве XVI–XVIII века

И.В. Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>; Researcher ID 6361-2017; ivminnikes@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье на основе сравнительно-правового диахронного метода исследован вопрос о видах юридической ответственности в русском праве XVI–XVIII века. Эмпирическую и нормативную базу статьи составили нормативно-правовые акты, религиозные тексты и документы периода формирования единого государства и становления абсолютизма. Предложено несколько классификаций, учитывающих особенности феодального государства и права. Отмечено, что юридическая ответственность в этот период регламентировалась не только актами государственной власти, но и иными средствами (например, актами Патриарха), вследствие чего ответственность делилась на предусмотренную законодательством и регламентируемую иными источниками права. В зависимости от степени конкретизации санкций выделено три вида ответственности – с определенными санкциями; с неопределенными санкциями; со смешанными санкциями. Также применительно к праву XVI–XVIII века можно говорить об ответственности за себя и ответственности за других лиц. Важное значение имеет градация ответственности по социальному статусу субъекта на общую и социально-ориентированную. Рассматриваются и иные классификации, например, ответственность за вину и без вины; ответственность за действие, за бездействие и за «голый умысел»; ответственность за свершившееся деяние и превентивную ответственность. В заключении сделан вывод о перспективности развития данного направления исследования института юридической ответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

юридическая ответственность; виды юридической ответственности; сравнительное правоведение; история права; феодальное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Виды юридической ответственности в российском праве XVI–XVIII века // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 1. С. 5–13. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(1).5-13.

Types of legal liability in Russian law of the XVI–XVIII century

I.V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>; Researcher id 6361-2017; iaminnikes@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the question of the legal liability types in Russian law of the XVI–XVIII century on the basis of the comparative legal diachronic method. The empirical and normative base of the article consists of normative legal acts, religious texts and documents of the period of the one state establishment and the absolutism formation. Several classifications are proposed considering the feudal state and law peculiarities. It is noted that legal liability during this period was regulated not only by acts of state power, but also by other means (for example, acts of the Patriarch), as a result of which liability was divided into those provided for by law and those regulated by other sources. Depending on the sanctions concretization degree three types of legal liability are identified – with specific sanctions; with nonspecific sanctions («severely punish») and with mixed sanctions. In addition, in relation to the law of the XVI–XVIII century, it is possible to talk about liability for oneself and liability for others. The liability gradation according to the social status of the subject into general and socially-oriented ones has great importance. Other classifications are also considered, for example, liability for fault and without fault; liability for action, liability for omission and for «pure intent»; liability for the committed act and preventive liability. In the end, the conclusion about the development prospects for this direction of research of legal liability institute is made.

KEYWORDS

legal liability; types of legal liability; comparative law; history of law; feudal law

FOR CITATION

Minnikes I.V. Types of legal liability in Russian law of the XVI–XVIII century. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2021, vol. 22, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(1).5-13.

Вопрос об ответственности индивида во все времена был предметом пристального внимания как лиц, непосредственно связанных с ее реализацией, так и общества в целом. Целостность общества, возможность совместного проживания лиц с разным характером, жизненными ценностями и т. п. всегда требовали установления определенных рамок, правил, нарушение которых влекло за собой неблагоприятные для преступившего эти рамки индивида.

О понятии и видах юридической ответственности написано множество исследований. Юридическая ответственность как особый вид ассоциируется с принуждением со стороны государства, обязанностями, возложенными на лицо, санкциями, наказанием и т.п. Различные подходы к понятию юридической ответственности были всесторонне проанализированы А.Ф. Черданцевым и С.Н. Кожевниковым еще в 1976 году [1, с. 39]. В статье «О понятии и содержании юридической ответственности» авторами обозначено как минимум шесть подходов к пониманию юридической ответственности, причем отмечено, что это лишь перечень типичных взглядов, не учитывающий различные их вариации и комплексные подходы. Авторы дальновидно не исключали появления и иных теоретических концепций в будущем. Действительно, тема юридической ответственности продолжает активно развиваться как в теоретико-правовых, так и в отраслевых исследованиях.

Несмотря на многочисленность и разнообразие научных трудов, вопрос о юридической ответственности до сих пор не решен окончательно.

Еще более спорным является вопрос о видах юридической ответственности. Все больше теоретиков права настаивают на расширении устоявшегося списка видов, ограниченного гражданско-правовой, уголовно-правовой, административной, дисциплинарной и материальной ответственностью. Причем для представителей отраслевых наук этот проблемный в теории права вопрос уже решен однозначно. В частности, С.А. Авакьян указывает, что в конституционном праве теория конституционной ответственности не только распространена в литературе, но и реализована в ряде нормативных актов [2, с. 189]. Данные предложения вышли за пределы чисто научных дискуссий и имплементированы в учебный материал. Так, Т.Н. Радько предполагает, что и в учебном материале «каждой самостоятельной отрасли права должен соответствовать и самостоятельный вид ответственности» [3, с. 233].

Не претендуя на роль арбитра в этих спорах, следует обозначить еще одно направление изучения вопроса о юридической ответственности — историко-правовое. Диахронный метод исследования данного института может привнести новые сведения не только в исследования историко-правовой сферы, но и в теоретико-правовую науку, позволит расширить информационную базу изучения института и по-новому взглянуть на его современное состояние.

Однако, используя сравнительно-исторический метод, не следует забывать о недопустимости автоматического переноса современных разработок и конструкций на право ранних эпох. Поэтому перед исследованием вопроса о видах юридической ответственности необходимо обозначить авторскую позицию касательно нескольких аспектов предмета изучения.

Во-первых, следует уточнить соотношение понятий «государственное принуждение» и «юридическая ответственность».

В современной теории юридическая ответственность рассматривается как вид государственного принуждения. В отношении «дня сегодняшнего» это вполне обосновано. Именно государство через свой аппарат обеспечивает принудительной силой предписания норм права, сформулированных любым источником.

Но в отношении русского права и государства на ранних стадиях развития оценка юридической ответственности как исключительно государственной прерогативы вызывает сомнения.

Так, и в древнерусском, и в удельном праве нормы и их принудительная сила обеспечивались не только государством — были задействованы и иные механизмы. Например, многие правила были продиктованы обычаями, причем не правовыми, одобренными властью, а юридически значимыми обычаями, обеспеченными принуждением со стороны общества. При этом в случае конфликта обычных и государственных предписаний последние не всегда имели перевес.

В период укрепления государственности и зарождения самодержавия в XVI–XVII веке государственное принуждение становится главным средством управления обществом и обеспечения должного порядка, однако и в этот период его сопровождают меры принуждения, исходящие от иных субъектов, например, церкви. Этот институт не только решает вопросы, связанные с религией и устройством церкви, но и вмешивается в дела, не имеющие прямого отношения к вере. Поэтому принудительная сила норм, исходящих от церкви, особенно в период существования па-

триархества, а также формализации ее власти в лице Монастырского Приказа, также может рассматриваться как источник юридической ответственности.

Таким образом, применительно к историко-правовому аспекту исследования института представляется неверным сужать объем понятия юридической ответственности до сугубо государственной прерогативы.

Во-вторых, поскольку основная задача исследования — это анализ видов юридической ответственности, необходимо воздерживаться от бездумного переноса современных наименований на реалии дней минувших.

Так, говорить о существовании уголовно-правовой ответственности применительно, например, к праву XVI столетия — это равносильно утверждению о существовании в этот период уголовного права как отрасли. Как бы ни были похожи санкции, и как бы ни хотелось «подогнать» деяния, предусмотренные, например, Судебниками 1497 и 1550 годов под признаки знакомой конструкции «преступление», делать этого не следует.

Да, учебная литература допускает аналогии и заимствование понятий из современности, но вот для научных исследований это, как минимум, некорректно.

Представляется, совершенно необдуманным было утверждать в диссертационном исследовании, что на примере статей Грамоты (Псковской судной. — *И.М.*) «можно анализировать особенности не только уголовной ответственности, но и гражданско-правовой и административной» [4, с. 3], именовать параграф диссертации «Обнаружение и исследование преступлений в традиции русского уголовного процесса (XI в. (выделено мной. — *И.М.*) — пер. пол. XIX в.)» [5] или называть научную работу «Гражданское право по Псковской Судной грамоте» [6].

Современные правовые понятия и конструкции базируются на современном же состоянии права и правовой науки, с учетом геополитических, хронологических и иных факторов. Те правовые явления, которые лежат в глубине исторических пластов развития общества, отражают свой уровень развития общества, государства и права. Следовательно, подходить к ним с современными мерками было бы неоправданно.

Поэтому в исследовании вопроса о видах юридической ответственности в данной работе не представлена наиболее распространенная градация видов ответственности по отраслевому (межотраслевому) признаку, но будут пред-

ложены иные критерии и иные классификации, основанные на состоянии права и государства в XVI–XVIII веке.

Территориальные рамки исследования ограничены российским государством, поскольку основное направление работы — диахронный анализ русского права.

Хронологическими рамками исследования выбран период с XVI по XVIII век.

Обосновывая намеченные «нижние» хронологические рамки изучения института юридической ответственности, следует упомянуть несколько факторов:

— на данном этапе принято несколько актов, которые имеют общегосударственные границы действия (в отличие от, например, Псковской судной грамоты), являются актами центральной высшей власти в стране (исходят от великого князя (государя) и ближайшего к нему высшего органа власти), их содержание стабильно (по сравнению с Русской правдой) и конкретно;

— укрепление единовластия в стране в XVI веке неизбежно повлекло за собой усиление мер государственного принуждения, в том числе и юридической ответственности. Государство расширило свое влияние на все сферы жизни общества и, как следствие, усложнило систему мер, направленных против тех, кто противостоял этому влиянию и контролю со стороны властных структур.

Выбор в качестве верхней границы исследования XVIII столетия продиктован тем, что именно в данный период закладываются основы нового понимания и новых видов ответственности — ответственности как обязанности перед сувереном, напрямую связанной со строгими правовыми запретами, оформленными в актах верховной самодержавной власти.

Категорически не принимая тезис ранее цитируемого автора о том, что уже в удельный период текст Псковской Судной грамоты ознаменовал «начало нового этапа в эволюции уголовной ответственности» [4, с. 3], тем не менее более поздний период, а именно конец XVIII века, можно рассматривать как отправную точку формирования предметно-отраслевого деления ответственности.

Правда, некоторые авторы сдвигают эту веху на более раннее время. Так, Ю.Н. Анучина называет «начальным этапом гражданского права» статьи Соборного Уложения 1649 года [7, с. 3], Р.Е. Токарчук исследовал развитие форм хищения «в уголовном законодательстве России XVII — XVIII веков» [8]) и т. д. Но, думает-

ся, заявка авторов о наличии отраслевого деления в русском праве этих столетий несколько преждевременна.

Еще одно соображение в пользу XVIII века как верхней границы периода исследования юридической ответственности касается ее оформления: в праве данного этапа она практически полностью урегулирована актами, более всего, как по форме, так и по содержанию, сходными с современными нормативными правовыми актами. Не следует забывать, что даже само слово «закон» применительно к нормативному акту было использовано именно в этот период.

Объектом исследования в данной статье являются общественные отношения, возникающие в русской правовой жизни в связи с правовым оформлением и применением института юридической ответственности. Предмет внимания автора — правовые нормы, закрепленные в различных источниках права избранного хронологического периода и регламентирующие разного рода виды ответственности как индивидуальных, так и коллегияльных субъектов права.

В качестве критериев деления юридической ответственности на виды будут использованы: статус субъекта, который инициирует ответственность, и субъекта, на которого она налагается, особенности оснований юридической ответственности, степень вины субъекта, характер санкций и т. п.

1. Градация ответственности по формально-юридическим основаниям

Представленные ниже варианты градации юридической ответственности учитывают формальную сторону института, а именно — в каких источниках права и каким образом она сформулирована. Поскольку в этом поле возникает сразу несколько проблемных моментов, то и исследование формальной стороны предполагает несколько направлений, отраженных в критериях деления юридической ответственности на виды.

По источникам права, содержащим норму об ответственности, она подразделяется на следующие виды:

— *ответственность, которая предусмотрена законодательством;*

— *ответственность, заложенная иными источниками права (религиозными текстами, обычаями, нормативными договорами).*

Законодательство русского государства является основным источником информации для изучения института юридической ответственности.

Действительно, множество актов, принятых государем и Думой, актов, сходных по форме

и природе с современными нормативными правовыми актами (Судебники, царско-боярские указы, грамоты и приговоры), а также важнейшие акты этого периода — Соборное Уложение 1649 года, Артикул Воинский 1715 года и др. — прямо и недвусмысленно указывают на существование этого института, его распространение на самые разные сферы жизни общества: от преступлений против государства (главы II—III Соборного Уложения, главы 6—7 Воинских Артикулов), до ношения «непристойных» одежд и бороды, игры в «зернь» и неисполненного обещания жениться.

Гораздо реже в научной литературе упоминается юридическая ответственность, заложенная в иных источниках права.

Следует отметить, что применительно к рассматриваемому периоду желательно забыть о сложившейся в теории права устойчивой тенденции все правовые вопросы рассматривать лишь через призму одного источника — нормативного правового акта. Только тогда картина исследования любого правового явления будет полной.

На данном этапе, помимо законодательства в его широком понимании, большое значение в жизни общества имеют и иные источники права, в частности, религиозные тексты, акты смешанной религиозно-светской природы, правовые обычаи, нормативные договоры [9, с. 47–70].

Ответственность, оформленная в этих источниках, также может быть квалифицирована как юридическая.

Так, Домострой оценивается исследователями как религиозно-нравственное сочинение, имеющее корнями жанр «Поучений». Домострой ассоциируется прежде всего с внутрисемейными отношениями, ведением хозяйства, «пристойным» поведением в семье и вне ее. Однако и в нем есть предписания, которые отсылают к проблеме юридической ответственности. Так, в статье 60 торговцу, лавочнику велено небрежных и нерадивых помощников «поучать и бранить и, по вине смотря, наложить еще пеню», а тех, «кто глуп и груб, вороват и ленив... кого наставления не берут — того, накормив, со двора прогнать...». 24 декабря 1627 года патриархом Филаретом был принят Указ о запрещении игрищ и колядований. Особенность данного указа в контексте исследуемого предмета состоит в том, что в тексте автором назван именно Филарет (именно «великий государь святейший Филарет Никитич, патриарх московский и всеа Руси указал (выделено мной. — И.М.), но при этом указ пригрозил вино-

вным не только быть «в запрещенье и в духовном наказанье» от патриарха, но и «в опале» от государя царя Михаила Федоровича).

В крестьянской среде в данный период значительный объем правил установлен обычаями, причем большинство обычаев еще нельзя в полной мере отнести к правовым. Но и в общинном укладе юридическая ответственность находила применение. Так, кража имущества членов общины чаще всего рассматривалась как общинная юрисдикция и наказывалась, при молчаливом согласии государства, самими членами общины. Таким же образом поступали с неверными супругами. При этом меры юридической ответственности варьировались в зависимости от обычаев местности, тяжести содеянного, поведения виновного во время разбора дела, настроения «судей» и множества иных факторов.

По способу регламентации юридическая ответственность может быть:

- *прямой;*
- *отсылочной.*

Прямой способ регламентации означает, что деяние и ответственность предусмотрены в одном акте (источнике права).

Законодательство рассматриваемого периода предоставляет множество примеров прямой фиксации ответственности. Так, статья 4 главы III Соборного Уложения требует, чтобы того, кто «при государе вымет на кого какое ни буди оружие, а не ранит, и не убьет, и того казнити, отсесть рука»; Указ от 1 ноября 1625 года повелел у «нетчиков» (дворян, которые «государевы службы не служат») убавлять из поместного оклада (т. е. земельного пожалования за службу) 100 четвертей, а из денежного — четвертую часть. Указ от 23 мая 1627 года пригрозил «имать» и «за ослушанье бить кнутом» людей, которые «на Старое Ваганьково на безлепицу» сходились и т. п.

Этот вариант является преобладающим, но не единственным способом фиксации предписаний об ответственности. Другой вид — это отсылочный способ регламентации, когда деяние предусмотрено в одном документе, а ответственность — в другом.

Самая распространенная практика этого варианта — ссылка на ранее принятый акт. Эта ссылка обычно воплощается в нескольких формулировках: «быти против старого уложения»; «против прежнего государева указу»; «по прежнему указу» и т. п. Так, в Грамоте тульскому воеводе от 29 декабря 1654 года царь Алексей Михайлович велит поймать и наказать беглых солдат «по прежнему Нашему указу».

В зависимости от степени конкретизации законодателем санкций, предусмотренных правовыми предписаниями:

- ответственность, предписанная определенными санкциями;
- ответственность с неопределенными санкциями;
- ответственность со смешанными санкциями.

Необходимо оговориться, что определенность санкции — это свойство развитого права, поэтому на примере права русского общества XVI–XVIII века можно проследить постепенное продвижение от полностью неопределенной по санкциям ответственности, например, акт от 22 августа 1556 года просто требует «казнити по приговору» (в данном случае «казнить» означает «наказать») до вполне определенных точных как в качественном, так и в количественном выражении санкций, например, согласно артикулу 38, за промедление после подачи знака на караул виновный офицер «имеет один месяц за рядового служить...».

Однако о прямой зависимости этой характеристики ответственности от времени принятия акта все-таки говорить было бы неверно. В частности, в законодательстве XVI–XVII века могут встречаться и вполне точные указания на меру ответственности: так, Указ о наказании фальшивомонетчиков от 10 февраля 1627 года вполне четко угрожает смертью изготовителям и распространителям «воровских денег» — предписано фальшивые монеты растопить и расплавленным металлом залить виновным горло, а их имущество забрать в казну; а вот в значительно более позднем акте — Резолюции о переписи душ от 19 января 1725 года предписано «чинить наказание, чему будут достойны».

Следует отметить, что определенность санкций юридической ответственности в законодательстве данного периода не слишком распространена. Распоряжения власти довольно часто угрожают ответственностью неопределенного характера (по вине смотря, «в жестоком наказании без пощады» и т. п.) Однако чаще всего законодатель пользуется смешанными санкциями: согласно артикулу 15 священник, впервые без причины не отслуживший молебен, должен оплатить штраф в 1 рубль, а за повторное деяние — «жестoko за то наказан».

2. Градация ответственности по субъекту

Следующая совокупность классификаций юридической ответственности на виды основана на количестве, личностных качествах и особен-

ностях статуса лица, которое подлежит ответственности. В этом направлении законодательство XVI–XVIII века предоставляет обширные возможности для самых разных градаций.

В зависимости от того, налагается ли ответственность на лицо, совершившее деяние, либо на иных субъектов, можно выделить:

- ответственность за себя;
- ответственность за других лиц.

Обычно к юридической ответственности привлекается лицо, совершившее правонарушение (или не предпринявшее предписанных законом действий). В этом случае субъект отвечает за свое действие (бездействие).

Однако в законодательстве предусмотрена и иная ситуация — ответственность за другое лицо. В современном праве родители, например, несут ответственность за своих недееспособных детей. Это правило знакомо и законодательству XVI–XVIII века. При этом тот, кто совершил правонарушение, ответственности не несет. Эту разновидность ответственности за другое лицо можно назвать исключочающей.

Однако есть и иная форма, ее можно назвать «разделенная ответственность», — если отвечают сразу и виновник, и иное, полностью или частично невиновное лицо.

Пример «разделенной» ответственности дает законодательство и практика выборов XVI–XVIII века.

В Указе о татевных делах 1555 года избирателям предписано нести ответственность перед казной их собственным имуществом, если их избранник проштрафится [10, с. 37]. Наглядный пример применения института «разделенной» ответственности дает Грамота 1670 года. В ней шуйскому воеводе велено из-за проступка выборного Гришки «доправить» «на Шуянах, которые по нем Гришке ручались... а будет, тех денег Гришкины поручики вскоре не заплатят, и ты б за те деньги описал и продал дворы их и животы...» [11, с. 202–203]. При этом ссылка на «поручительство» не имеет никакого отношения к поручительству в гражданском обороте — это упоминание установленной законом обязанности избирателей отвечать за «грехи» выборного лица.

Это правило касалось не только финансовых обязательств избранника перед казной. Оно включало и иные деяния, в современном законодательстве отнесенные к сфере уголовного и административного права: так, при избрании тюремных сторожей и целовальников голосующие письменно подтверждали, что: «... будет он, Яков, будучи у тюрьмы в сторожах... какое ни есть

дурно учинит, и на нас на всех Ирбитских крестьянех в том пеня великого государя... и наши выборные людей головы в его Яковлеву голову место»; «а будучи ему, Саве, в старостах... учнет каким воровством воровать или пить и бражничать... пеню что великие государи укажут, и наши выборных людей головы в его Савину голову место» [12, Стб. 6, 7].

Такой же вид ответственности предусмотрен и для «обыскных» людей (соседей, знакомых обвиненного, которых в процессе опрашивают — является ли обвиненный добропорядочным либо «лихим» человеком). Согласно Указу о разбойных делах 18 января 1555 года, обвиненного можно «одобрить», но если им впоследствии совершено какое «лихо», то «на обыскных, которые его одобрили, взять выть; а обыскных людей лутчих, дву или трех, бити кнутьем».

Таким образом, «разделенная ответственность» налагается и на виновное лицо, и на других субъектов, не имеющих непосредственного отношения к правонарушению.

Следующее основание классификации — это количество лиц, на которых налагается ответственность за одно деяние:

- индивидуальная ответственность;
- коллегиальная ответственность.

Необходимо уточнить, что речь идет не о тех случаях, когда правонарушение совершено несколькими лицами (например, побег войсковой части с места военных действий по Артикулу 97 и 101–103), а о тех, когда помимо виновника, ответственности подлежат и иные субъекты, не совершившие это деяние, но за него же.

Например, в случае измены государю статья 6 главы 2 Соборного Уложения велит казнить не только изменника, но и его жену, и детей, за то, что они «про ту их измену ведали». Несмотря на то, что в измене семейство не винят, изменниками не называют, ответственность будет за измену.

Другой пример коллективной ответственности представлен в толковании к Артикулу 158: если в результате массовой драки кого-то убьют, а «уведать», кто драчунов настоящий убийца невозможно, более того, нельзя даже назвать «гораздо неприличного» среди них, то ответственность распространяется на всех.

Следующая классификация учитывает «личность» субъекта, на которого возлагается ответственность. С этой точки зрения можно разделить ответственность на:

- ответственность физических лиц;
- ответственность коллективов.

Несмотря на то, что основным действующим лицом в праве рассматриваемого периода является физическое лицо, личность, встречаются и иные адресаты юридической ответственности.

Так, судя по царской грамоте от 20 августа 1614 года, к ответственности за отказ платить четвертные деньги и противодействие властям был привлечен весь Белозерский «посад»¹; своеобразную ответственность перед царем за отправленную туда государем «старицу Елену» должен был нести, по Грамоте от 2 июля 1619 года, Горицкий девичий монастырь; сразу по нескольким Артикулам (97, 98, 102, 103 и др.) отвечают за свои прегрешения полк, рота, гарнизон, «шквадрон» и т. п.

Еще одна градация видов ответственности учитывает статус субъекта в контексте его социальной принадлежности. С этой точки зрения существовали:

- ответственность общего характера;
- социально-ориентированная ответственность.

К рассматриваемому периоду в Русском государстве были четко оформлены границы между сословиями, соответственно, и привилегии и обязанности напрямую зависели от положения субъекта в обществе. Столь же важным социальный статус субъекта был и для наложения ответственности. Поэтому многие меры принуждения относились только к определенной социальной группе либо применялись ко всем, но в разной степени.

Примером как общих, так и социально-ориентированных мер могут служить статьи 27–97 главы X Соборного Уложения, повествующие о наказаниях за оскорбление разных чинов — от патриарха до «гуляющего человека».

Меры общего характера предусматривают ответственность независимо от статуса оскорбителя и выражаются в этих статьях фразой «кто ни буди», т. е. неважно кто.

Наряду с ними предусмотрены и социально-ориентированные меры, которые указывают на разницу в статусе и, соответственно, разную меру ответственности виновного. Так, статьи 27–29 указывают на ответственность «боярина, или околничего, или думного человека», причем основная санкция в двух статьях из трех — штраф за бесчестье. А вот статья 31 предусматривает ответ-

ственность для лиц низшего сословия. Несмотря на то, что эта статья охраняет честь тех же лиц, которые упомянуты в статьях 27–29, виновный «гостиной и суконной сотни, или черных сотен и слобод тяглой человек, или стрелец, или казак, или пушкар, или кто иной, какова чину нибудь» штрафом не отделается: за патриарха «учинити торговая казнь, да посадить в тюрьму на месяц», за митрополита полагается чуть меньше — «бить батоги, да в тюрьму посадить на четыре дни» и т. д.

Пример исключительно социально-ориентированной ответственности дает указ 28 октября 1697 года, который предусмотрел наказание за ношение бархата, соболей и иной богатой одежды для «всяких чинов служилых и посадских» именно «через их чин», т. е. не потому, что эта одежда вообще запрещена, а потому, что они принадлежат к непривилегированному сословию.

Таким образом, особенности лица, на которое налагается ответственность, являются основаниями для нескольких классификаций юридической ответственности.

3. Градация ответственности по иным основаниям

Анализ законодательства рассматриваемого периода позволяет разработать еще несколько критериев градации юридической ответственности на виды.

Имея в виду субъективное отношение лица к своему деянию, можно выделить:

- ответственность за вину;
- ответственность без вины.

Обычно законодатель требует установления степени виновности, а при отсутствии вины ответственность не налагается: Соборное Уложение даже за государственное преступление мужа, жену и детей, которые «не ведали» об этом «не казнити, и никакова наказания им не чинити...»; Артикул 159 проводит ту же мысль: «Но весьма неумышленное и ненарочное убийство, у которого никакой вины не находитца, оное без наказания отпустится». Недоимки перед казной, ставшие следствием «воровского разорения», «пустоты и скудости» государственные органы не рассматривали как основание для ответственности, в отличие от укрывательства пошлин и недоборов из-за недосмотра и лености сборщиков.

Но из этого правила бывают исключения.

Так, если ответчик «в бегах», за него в приказе под стражей сидят его крестьяне (статья 140 главы X Соборного Уложения); если продавец надлежащим образом «очистил» землю от обременений при продаже, он, тем не менее, несет ответственность, если по угодью возникли споры

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Доп. и изд. Высочайше учрежденной Комиссией. СПб., Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 3: 1615–1645. 518 с.

(Купчая Севрюка Савельева сына Соловецкому монастырю на угоды и двор в Кеми от 3 октября 1574 года [13, с. 57]).

По объективным факторам ответственность подразделяется на три вида:

- ответственность за действие;
- ответственность за бездействие;
- ответственность за «голый умысел».

Преобладающим основанием юридической ответственности в праве рассматриваемого периода была ответственность за действие — убийство, вступление в связь вне брака, заключение подложного договора и т. п. Примеры ответственности за бездействие малочисленнее, хотя и имеются. Слуга, не оказавший помощи госпоже, солдат, «не управивший» приказ, священник, не отслуживший молебен, свидетель богохульства, не известивший власти об этом преступлении, и т. п. подлежали ответственности именно за бездействие.

Необычным для современного права является наложение ответственности за «умышление». Так, согласно Артикулу 99 перебежчик к неприятелю заслуживает виселицы. В данной статье ответственность имеет основанием действие. Однако в толковании к артикулу к «лишению живота» приговаривали и в случае, если «многие умыслят к неприятелю перебежать, а действительно того не учинят». Аналогично наказуемым ранее было объявлено «умышление» на государево здоровье (статья 1 главы II Соборного Уложения).

Ту же сторону исследования — объективное основание юридической ответственности — можно рассмотреть и под другим углом.

В зависимости от того, совершено ли деяние либо еще нет, можно разделить юридическую ответственность на:

- ответственность за свершившееся деяние;
- превентивную ответственность.

В основной массе законодатель XVI—XVIII века предусматривает ответственность как следствие уже наличествующих в реальности деяний.

Но, как исключение, ответственность может быть наложена и за деяние, которое прогнозируется в будущем. Так, согласно статьям 134–135 главы X Соборного Уложения подлежит ответственности человек, который угрожает убить другого. Однако в данном случае ответственность наступает не за саму угрозу, а из-за того, что угроза убийства может быть реализована. Об этом свидетельствует и тот факт, что после реализации наказания виновный дает подписку, обязуясь не учинить ничего дурного адресату угрозы. Тот же смысл имеет предписание статьи 202. В ней тот, кто «похвалялся» «лихим делом», не только отвечает за слова, но и априорно считается виновным, если «лихое дело» все-таки случилось. Только если под пыткой он не признается в нем, его «вину» простят. Законодатель открыто заявляет, что «он в том деле пытан будет, и то ему учинитца от себя потому, на что было ему похвалитца лихими делы».

В той же плоскости можно рассматривать институт «облихования».

Вполне возможны и иные классификации юридической ответственности.

Представляется, огромное значение имеет то, на что направлены санкции государства — на виновного как на физическое лицо (жизнь, здоровье, честь), на его социальный статус, на имущество, на должность, на деятельность и т. п. Интересен и вопрос о том, чьи интересы представлены в том или ином виде ответственности, — государства, церкви, частного лица или группы лиц, природа юридической ответственности — имущественная или неимущественная и т. п.

Можно заключить, что многообразие предписаний данного периода диктует и самые различные основания классификации юридической ответственности. Приведенные выше классификации далеко не исчерпывают возможные подходы к проблематике видов юридической ответственности, но, думается, предоставляют интересный материал и основу для дальнейшего изучения вопроса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черданцев А.Ф. О понятии и содержании юридической ответственности / А.Ф. Черданцев, С.Н. Кожевников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1976. — № 5. — С. 39–48.
2. Авакьян С.А. Размышления конституционалиста. Избранные статьи / С.А. Авакьян. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — 560 с.
3. Радько Т.Н. Актуальные проблемы права: учебник / Т.Н. Радько. — М.: Формула права, 2012. — 397 с.
4. Хачатрян А.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Хачатрян. — Казань, 2010. — 26 с.
5. Максимов П.В. Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XX вв. (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.В. Максимов. — Ростов на Дону, 2005. — 229 с.

6. Гурьева О.Ю. Гражданское право по Псковской Судной грамоте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.Ю. Гурьева. — Самара, 2003. — 171 с.
7. Анучина Ю.Н. Историко-правовое исследование гражданского права по соборному уложению 1649 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.Н. Анучина. — Саратов, 2009. — 22 с.
8. Токарчук Р.Е. Развитие форм хищения в уголовном законодательстве России XVII–XVIII веков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Е. Токарчук. — М., 2014. — 200 с.
9. Минникес И.В. Источники Российского права (X–XX в.) : учеб. пособие / И.В. Минникес, Т.А. Парфенова. — Иркутск : ГОУ ВПО РПА МЮ РФ, 2019. — 166 с.
10. Законодательные акты русского государства второй половины XVI–первой половины XVII века / под ред. Н.Е. Носова, В.М. Панеяха. — Ленинград : Наука, 1987. — 260 с.
11. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов / В.А. Борисов. — М. : Тип. В. Готье, 1853. — 400 с.
12. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Калачова. — Санкт-Петербург : Тип. Император. акад. наук, 1857. — Т. 1 : Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела, дельные, записки, записи, изветы. — 10 с.
13. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / сост. И.З. Либерзон. — Ленинград : Наука, 1988. — 273 с.

REFERENCES

1. Cherdantzev A.F., Kozhevnikov S.N. About Notion and Contents of Legal Responsibility. In. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1976, no. 5, pp. 39–48. (In Russian).
2. Avakyan S.A. *Reflections of a Constitutionalist. Selected Articles*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2010. 560 p.
3. Radko T.N. *Topical Issues of Law*. Moscow, Formula prava Publ., 2012. 397 p.
4. Khachatryan A.V. *Offenses and legal Liability under the Pskov Judicial Charter*. Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2010. 26 p.
5. Maksimov P.V. *The concept of criminal prosecution under Russian criminal procedure law XI–XX cent. (Historical and legal study)*. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2005. 229 p.
6. Guryeva O.Yu. *Civil Law in Pskov Judicial Charter*. Cand. Diss. Samara, 2003. 171 p.
7. Anuchina Yu.N. *Historical and Legal Research of Civil Law under the Council Code of 1649*. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2009. 22 p.
8. Tokarchuk R.E. *Evolution of forms of Plunder in the Criminal Legislation of Russia of the XVII–XVIII Centuries*. Cand. Diss. Moscow, 2014. 200 p.
9. Minnikes I.V., Parfenova T.A. *Russian Legal Sources (X–XX Centuries)*. Irkutsk, GOU VPO RPA MYu RF Publ., 2019. 166 p.
10. Nosov N.E., Paneyakh V.M. (eds). *Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the XVI–the First Half of the XVII Century*. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 260 p.
11. Borisov V.A. *Description of the City of Shuya and its Environs, with the Application of Ancient Acts*. Moscow, V. Gauthier Publ., 1853. 400 p.
12. Kalachov N. (ed.). *Acts Relating to the Legal Life of Ancient Russia*. Saint Petersburg, 1857. Vol. 1. 10 p.
13. Liberzon I.Z. (ed.). *Acts of the Socio-economic History of the North of Russia at the End of the XV–XVI Cent. Acts of the Solovetsky Monastery for 1479–1571*. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: ivminnikes@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Minnikes — PhD in Law, Professor, Chief Research Officer of the Institute of Legal Research. Baikal State University, 11, Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003, e-mail: iaminnikes@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.01.2021

Доработана после рецензирования / Revised 09.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021